

ИЗ ПИСЕМ

ИЗ ПИСЬМА К Е. В. СЕЛЕВИНОЙ

11

[Москва, 31 декабря 1872 г.]

Дорогая моя Катя, собираюсь сегодня много говорить с тобою, и сначала о самом важном. Меня очень радует твое серьезное отношение к величайшему (по-моему, единственному) вопросу жизни и знания — вопросу о религии. Относительно этого твое теперешнее заблуждение (как и почти всех — заблуждение, неизбежное сначала) состоит в том, что ты смешиваешь веру вообще с одним из ее видов — с верой детской, слепой, бессознательной — и думаешь, что другой веры нет. Конечно, не много нужно ума, чтобы отвергнуть эту веру — я ее отрицал в 13 лет, конечно, человек сколько-нибудь рассуждающий уже не может верить так, как он верил, будучи ребенком; и если это человек с умом поверхностным или ограниченным, то он так и останавливается на этом легком отрицании своей детской веры в полной уверенности, что сказки его няnek или школьные фразы катехизиса составляют настоящую религию, настоящее христианство. С другой стороны, мы знаем, что все великие мыслители — слава человечества — были истинно и глубоко верующими (атеистами же были только пустые болтуны вроде французских энциклопедистов или современных Бюхнеров¹ и Фохтов², которые не произвели ни одной самобытной мысли). Известны слова Бэкона, основателя положительной науки: немножко ума, немножко философии удаляют от Бога, побольше ума, побольше философии опять приводят к Нему. И хотя Бог один и тот же, но, без сомнения, та вера, к которой приводит много философии, есть уже не та, от которой удаляет немножко ума. Немудрено догадаться, что вера христианина сознательного и мыслящего отличается чем-

нибудь от веры деревенской старухи, хотя предмет веры тот же и оба они могут быть настоящими христианами; и само внутреннее чувство веры у них одинаково; но разница в том, что деревенская старуха или вовсе не думает о том, во что верит, или если думает, то в таких представлениях, которые соответствуют ее умственному состоянию; христианин же сознательный, разумно понимая учение христианства, находит в нем разрешение для всех высших вопросов знания — такое богатство и глубину мысли, перед которой жалки все измышления ума человеческого; но для него очевидно, что не он сам вкладывает этот глубокий смысл в христианство, потому что он ясно сознает совершенное ничтожество и бессилие своего ума, своей мысли перед величием и силой мысли божественной. Теперь я не стану объяснять тебе, в чем заключается это божественное содержание христианской идеи; для того, чтобы это было доступно, нужно уже совершить тот ход внутреннего развития, который ты только еще начинаешь, — дай Бог тебе его кончить так, как я надеюсь! Теперь же позволь рассказать тебе, как человек становится сознательным христианином.

В детстве всякий принимает уже готовые верования и верит, конечно, на слово; но и для такой веры необходимо если не знание, то некоторое представление о предметах веры, и действительно, ребенок составляет себе такие представления, более или менее нелепые, свыкается с ними и считает их неприкосновенною святынею. Многие (в былые времена почти все) с этими представлениями остаются навсегда и живут хорошими людьми. У других ум с годами растет и перерастает их детские верования. Сначала со страхом, потом с самодовольством одно верование за другим подвергается сомнению, критикуется полудетским рассудком, оказывается нелепым и отвергается. Что касается до меня лично, то я в этом возрасте не только сомневался и отрицал свои прежние верования, но и ненавидел их от всего сердца, — совестно вспомнить, какие глупейшие кощунства я тогда говорил и делал. — К концу истории все верования отвергнуты, и юный ум свободен вполне. Многие останавливаются на такой свободе от всякого убеждения и даже очень ею гордятся; впоследствии они обыкновенно становятся практическими людьми или мошенниками. Те же, кто не способен к такой участи, стараются создать новую систему убеждений на месте разрушенной, заменить верования разумным *знанием*. И вот они обращаются к положительной науке, но эта наука не может основать разумных убеждений, потому что она знает только внешнюю действительность, одни факты и больше ничего; истинный смысл факта, ра-

зумное объяснение природы и человека — это наука дать отказывается. Некоторые обращаются к отвлеченной философии, но философия остается в области логической мысли, действительность, жизнь для нее не существует, а настоящее убеждение человека должно ведь быть не отвлеченным, а живым, не в одном рассудке, но во всем его духовном существе, должно господствовать над его жизнью и заключать в себе не один идеальный мир понятий, но и мир действительный. Такого живого убеждения ни наука, ни философия дать не могут. Где же искать его? И вот приходит страшное, отчаянное состояние — мне и теперь вспомнить тяжело, — совершенная пустота внутри, тьма, смерть при жизни. Все, что может дать отвлеченный разум, изведено и оказалось негодным, и сам разум разумно доказал свою несостоятельность. Но этот мрак есть начало света; потому что когда человек принужден сказать: я ничто, — он этим самым говорит: Бог есть все. И тут он познает Бога — не детское представление прежнего времени и не отвлеченное понятие рассудка, а Бога действительного и живого, который «недалеко от каждого из нас, ибо мы им живем и движемся и существуем». Тогда-то все вопросы, которые разум ставил, но не мог разрешить, находят себе ответ в глубоких тайнах христианского учения, и человек верует во Христа уже не потому только, что в Нем получают свое удовлетворение все потребности сердца, но и потому, что им разрешаются все задачи ума, все требования знания. Вера слуха заменяется верой разума: как самаряне в Евангелии: «Уже не по твоим речам веруем, но сами поняли и узнали, что он истинный спаситель мира, Христос»³.

И так ты видишь, что человек относительно религии при правильном развитии проходит три возраста: сначала пора детской, или слепой, веры, затем вторая пора — развитие рассудка и отрицание слепой веры, наконец, последняя пора веры сознательной, основанной на развитии разума. <...>

ИЗ ПИСЕМ К Е. В. СЕЛЕВИНОЙ

<...> Отвечаю тебе прямо: я люблю тебя, насколько способен любить; но я принадлежу не себе, а тому делу, которому буду служить и которое не имеет ничего общего с личными чувства-

ми, с интересами и целями личной жизни. Я не могу отдать тебе себя всего, а предложить меньше считаю недостойным. <...>

15

[11 июля 1873 г.]

<...> Я думаю, ты не можешь сомневаться в моей любви: я даже не умел хорошо скрывать ее до сих пор; теперь же ты даешь мне возможность говорить открыто: я люблю тебя, как только могу любить человеческое существо, а может быть, и сильнее, сильнее, чем должен. Для большинства людей этим кончается все дело; любовь и то, что за нею должно следовать: семейное счастье, — составляют главный интерес их жизни. Но я имею совершенно другую задачу, которая с каждым днем становится для меня все яснее, определеннее и строже. Ее посильному исполнению посвящу я свою жизнь. Поэтому личные и семейные отношения всегда будут занимать *второстепенное* место в моем существовании. <...>

18

[1873 г.]

<...> С тех пор как стал что-нибудь смыслить, я сознавал, что существующий порядок вещей (преимущественно же порядок общественный и гражданский, отношения людей между собой, определяющие всю человеческую жизнь), что этот существующий порядок далеко не таков, каким *должен* быть, что он основан не на разуме и праве, а, напротив, по большей части на бессмысленной случайности, слепой силе, эгоизме и насильственном подчинении. <...> Сознательное убеждение в том, что настоящее состояние человечества *не таково, каким быть должно*, значит для меня, что *оно должно быть изменено*, преобразовано. Я не признаю существующего зла вечным, я не верю в черта. Сознавая необходимость преобразования, я тем самым обязываюсь посвятить всю свою жизнь и все свои силы на то, чтобы это преобразование было действительно совершено. Но самый важный вопрос: *где средства?* <...>

20

[1873 г.]

<...> Живого плода своих будущих трудов я во всяком случае не увижу. Для себя лично ничего хорошего не предвижу. Это еще

самое лучшее, что меня сочтут за сумасшедшего. Я, впрочем, об этом очень мало думаю. Рано или поздно успех несомненен — этого достаточно. <...>

ИЗ ПИСЬМА К Е. М. ПОЛИВАНОВОЙ

[25 сентября 1877 г.]

Я совершенно уверен, что скоро будет большое дело, которое соединит очень многих. <...> Я смотрю на Вас и на себя (как на всех порядочных людей нашего поколения) — как на будущих слугителей одного неведомого бога.

ИЗ ПИСЬМА В. П. ФЕДОРОВУ

[1883 г.]

<...> Я некоторое время серьезно интересовался спиритизмом и имел случай убедиться в реальности многих из его явлений; но практическое занятие этим предметом считаю весьма вредным и нравственно, и физически. <...>

ИЗ ПИСЕМ И. С. АКСАКОВУ

<...> Я слышал, что вся статья¹ удостоилась презрительного отзыва от самого Каткова², который назвал ее «детским лепетом»... <...> Когда я был самоуверенным мальчишкой, меня носили на руках и мой действительно «детский лепет» слушали с величайшим почтением. И теперь еще хорошо, что я не могу достигнуть совершенства в смирении, а то бы меня совсем никто не слушал. <...>

[Октябрь 1883 г.]

<...> Обо мне распространился решительный слух, что я перешел в латинство. Я бы не считал постыдным сделать это *по убеждению*, но именно мои убеждения не допускают ничего подобного. Употреблю глупое сравнение: представьте себе, что моя мать на ножах со своей сестрой и даже не хочет признавать ее за сестру. Неужели, чтобы помирить их, я должен бросить свою мать и

перейти к тетке? Это нелепо. Все, что я должен делать, — это внушать всеми силами своей матери (и своим братьям), что противница ее все-таки родная законная сестра, а не... и при всех своих старых грехах все-таки порядочная женщина, а не... и что им лучше и благороднее бросить старые счеты и быть заодно. <...>

ИЗ ПИСЬМА К О. АРХИМАНДРИТУ АНТОНИЮ ВАДКОВСКОМУ

[8 апреля 1886 г.]

<...> Вчера я чувствовал себя среди общества действительно христианского, преданного делу Божию прежде всего. Это ободряет и обнадеживает меня, а я со своей стороны могу Вас обнадежить, что *в латинство никогда не перейду*.

Если и будут какие-нибудь искушения и соблазны, то уверен с Божьей помощью и Вашими молитвами их преодолеть. <...>

ИЗ ПИСЬМА В «ЦЕРКОВНЫЙ ВЕСТНИК»

Церковный вестник. № 49. 1886 г.

<...> 1) имея свои особые мнения относительно спорных церковных вопросов, я остаюсь и уповаю всегда остаться членом Восточной православной церкви не только формально, но и действительно, ничем не нарушая своего исповедания и исполняя соединенные с ним религиозные обязанности; 2) желая полного и плодотворного соединения обеих церквей — прежде всего в духе и истине, я никогда и никого не убеждал переходить из Восточной церкви в Западную, а, напротив, имел случай отговаривать иных от такого намерения; ибо как *внешнюю* унию, так равно и всякое *частное* «обращение» считаю не только ненужным, но и весьма вредным для вселенского дела, хотя, конечно, и не могу бросать камня в «обращающихся» по искреннему, если и ошибочному, убеждению. <...>

ИЗ ПИСЕМ БРАТУ М. С. СОЛОВЬЕВУ

[1886 г.]

<...> За мною здесь ухаживают, с одной стороны, «Новое время», а с *другой* — либералы, не говоря уже о евреях. Я веду тон-

кую политику (если бы имел турнюр, то сказал бы, кокетничаю) и с теми, и с другими, и с третьими.

Зато с казенною Россией я потерял всякое соприкосновение. Дивлюсь только издалека ее мудрости. <...>

34

[1888 г.]

<...> А вообще *жить* в Москве не расположен по множеству причин. Я в иных отношениях непомерно впечатлителен, быть может потому, что у меня, яко у недоноска, слишком тонкая кожа. <...>

КРАТКАЯ АВТОБИОГРАФИЯ

[1887 г.]

Влад. Серг. Соловьев родился в 1853 г. в Москве, сын русско-го историка Сергея Соловьева. Учился в одной из московских гимназий и затем изучал естественные науки в Московском университете. Выдержав экзамен на кандидата историко-филологического факультета (в том же университете), поступил вольным слушателем в Московскую духовную академию. Через год выдержал экзамен на магистра философии в Петербургском университете и защитил публичную диссертацию «Кризис западной философии» в 1874 г., направленную против позитивизма. Выбранный в доценты на вакантную кафедру философии в Московском университете, читал там лекции по истории древней и новой философии и по логике. Провел один год за границей в Англии, Франции, Италии и Египте. Оставил кафедру в Московском университете вследствие нежелания участвовать в борьбе партий между профессорами, был назначен членом ученого комитета при Министерстве народного просвещения. В 1878 г. прочел в Петербурге публичный курс по философии религии. В 1880 г. напечатал сочинение «Критика отвлеченных начал» и защитил его в качестве диссертации, где потом (в 1880—1882 гг.) читал как приват-доцент лекции по метафизике и философии истории.

В то же время читал лекции по истории древней философии на Высших женских курсах. В марте 1881 г. произнес перед многочисленной публикой речь против смертной казни. Вскоре после того оставил службу в Министерстве, а затем и профессорскую деятельность, и сосредоточил свои занятия на религиозных во-

просах, преимущественно на вопросе о соединении церквей и о примирении христианства с иудейством.

Кроме двух упомянутых диссертаций и многих мелких статей напечатал: 1) «Двенадцать чтений о Богочеловечестве»; 2) «Философские начала цельного знания»; 3) «Религиозные основы жизни»; 4) «Национальный вопрос в России»; 5) «Еврейство и христианский вопрос»; 6) «Догматическое развитие Церкви».

В настоящее время приготовил к печати обширное сочинение: «История и будущность теократии» в трех томах, из коих первый содержит *философию библейской истории*, второй — *философию церковной истории* и третий — *задачи теократии*.

ИЗ ПИСЕМ Ф. Б. ГЕЦУ

9

[Декабрь 1886 г.]

<...>Вы, вероятно, знаете, что я теперь претерпеваю прямо гонение. Всякое мое сочинение, не только новое, но и перепечатка старого, *безусловно* запрещается. Обер-прокурор П-в¹ сказал одному моему приятелю, что *всякая* моя деятельность вредна для России и для православия и, следовательно, не может быть допущена. А для того, чтобы оправдать такое решение, выдумываются и распускаются про меня всякие небылицы. Сегодня я сделался иезуитом, а завтра, может быть, приму обрезание; нынче я служу папе и еп. Штроссмайеру², а завтра, наверно, буду служить Alliance Israélite и Ротшильдам. наши государственные церковные и литературные мошенники так нахальны, а публика так глупа, что всего можно ожидать. Я, конечно, не унываю и держу своего девиза: Бог не выдаст, свинья не съест. Но все таки следует быть по возможности осторожным. <...>

16

[1887 г.]

<...>Вы видите. что мое перо всегда готово к защите бедствующего Израиля, но то, что Вы пишете о моих «друзьях», фантастично. Один из названных Вами, пожалуй, в устной беседе и заявит гуманные взгляды, но, наверно, ни одного слова в пользу евреев не напишет и не напечатает, а другой (не хочу говорить, кто именно) почти серьезно доказывает, что всех евреев нужно

подвергнуть известной операции, которая раз и навсегда отнимет у них способность к размножению! Вот Вам и коллективное заявление в пользу евреев. — Но Вы правы в том, что если кто-нибудь, хотя бы я, будет решителен и с полною подписью своего имени выступит против антисемитизма, то это может вызвать и других и наконец составить какой-нибудь противовес этим неистовствам. А пока могу предложить только свой собственный труд. <...>

21

[1888 г.]

<...> До меня доходят неопределенные слухи о сплетнях в русских газетах, будто я перешел в католичество и т. д. На самом деле я теперь еще более далек от подобного шага, чем прежде. <...>

ИЗ ПИСЬМА К о. МАРТЫНОВУ

6

[1887 г.]

<...> Но зачем сложные рассуждения, вот факт: открыто заявляя свои взгляды и провозглашенный в нашей печати тайным иезуитом, я регулярно исповедуюсь и причащаюсь у православных священников, знающих мой образ мыслей. <...>

В заключение, чтобы не оставлять ничего в неясности, я исповедаю, что Римско-католическая церковь, заменившая Римскую империю для возрожденного человечества, назначена волею Божиею иметь до конца веков всемирную державу на земле. На всю свою деятельность я могу смотреть только как на службу этой державе. Это есть долг совести. Но служить ли в качестве волонтера-союзника или же в качестве регулярного солдата легионов — это есть вопрос практический, коего решение зависит от обстоятельств времени, личного положения и т. д. <...>

ИЗ ПИСЬМА К МАТЕРИ

[1887 г.]

<...> С душевным прискорбием извещаю родных и знакомых, что 14-го минувшего мая ветхий мой человек волею Божией умре

и погребен на лоне природы под простым, но изящным монументом, на коем внимательный прохожий может прочесть следующую надпись:

Здесь тихая могила
Прах юноши взяла.
Любовь его сразила,
А дружба погребла.

А отступя несколько:

Покойся, милый прах, до радостного утра.

Желающим почтить память покойного не возбраняется выпить и закусить. <...>

ИЗ ПИСЬМА К Н. Н. СТРАХОВУ

[12 апреля 1887 г.]

<...> Я не только верю во все сверхъестественное, но, собственно говоря, только в это и верю. Клянусь четой и нечетой, с тех пор как я стал мыслить, тяготеющая над нами вещественность всегда представлялась мне не иначе как некий кошмар сонного человечества, которого давит домовой. <...>

ИЗ «АЛЬБОМА ПРИЗНАНИЙ» Т. Л. СУХОТИНОЙ

1. Главная черта Вашего характера? *Упрямство и уступчивость.*
2. Какую цель преследуете Вы в жизни? *Не скажу.*
3. В чем счастье? *В вере в любовь.*
4. В чем несчастье? *Сидеть рядом с г-м Астафьевым¹.*
5. Самая счастливая минута в Вашей жизни? *Надеюсь, еще будет, а может быть, прогулял.*
6. Самая тяжелая минута в Вашей жизни? *Встреча с г. Астафьевым.*
7. Чем или кем желали бы Вы быть? *Собою, вывороченным налицо.*
8. Где желали бы жить? *В России и в Египте.*
9. К какому народу желали бы Вы принадлежать? *Пока к русскому.*
10. Ваше любимое занятие? *Писать, когда пишется, и слушать милых людей.*

11. Ваше любимое удовольствие? *(Ответа нет).*
 12. Ваша главная привычка? *Смотреть на солнце, чтобы чихнуть.*
 13. Долго бы Вы хотели жить? *Безразлично.*
 14. Какой смертью хотели бы Вы умереть? *Христианской.*
 15. К чему Вы чувствуете наибольшее сострадание? *К покинутым женщинам.*
 16. К какой добродетели Вы относитесь с наибольшим уважением? *К правдивости.*
 17. К какому пороку Вы относитесь с наибольшим снисхождением? *К пьянству.*
 18. Что Вы более цените в мужчине? *Постоянство.*
 19. Что Вы более всего цените в женщине? *Сердечность.*
 20. Ваше мнение о современных молодых людях? *Страдают собачьей старостью.*
 21. Ваше мнение о современных молодых девушках? *Мало знаю.*
 22. Верите ли в любовь с первой встречи? *Да.*
 23. Можно ли любить несколько раз в жизни? *По-настоящему — нельзя.*
 24. Были ли Вы влюблены и сколько раз? *Серьезно один раз, а так — 27 раз.*
 25. Ваше мнение о женском вопросе? *Пустое занятие.*
 26. Ваше мнение о браке и супружеской жизни? *Abusus non tollit usum².*
 27. Каких лет следует жениться и выходить замуж? *Ну при чем же тут года?*
 28. Что лучше: любить или быть любимой?
 29. Покоряться или чтобы Вам покорялись?
 30. Вечно подозревать или часто обманываться?
 31. Желать и не получить или иметь и потерять?
- } *Не служил в легкой кавалерии.*
32. Какое историческое событие вызывает в Вас наибольшее сочувствие? *Конец экспедиции Ашинова³.*
 33. Ваш самый любимый писатель (в прозе)?⁴ *Гофман.*
 34. Ваш любимый поэт? *Пушкин и Мицкевич.*
 35. Ваш любимый герой в романах? *Архивариус Саландер.*
 36. Ваша любимая героиня в романах? *Золотая змейка.*
 37. Ваше любимое стихотворение? *Посвящение к Полтаве и пролог Конрада Валленрода.*
 38. Ваш любимый художник? *Мурильо.*
 39. Ваша любимая картина? *Непорочное зачатие.*
 40. Ваш любимый композитор? *Моцарт и Глинка.*
 41. Ваше любимое музыкальное произведение? *«Дон-Жуан» и «Руслан и Людмила»⁵.*

42. Каково настроение Вашей души в настоящее время? *Благонамеренное.*
43. Ваше любимое изречение? *Соллогуб у меня его похитил*⁶.
44. Ваша любимая поговорка? *Начихать на голову.*
45. Следует ли всегда быть откровенным? *Не следует ни в чем быть педантом.*
46. Искренно ли Вы отвечали на вопросы? *Вполне.*
47. Расскажите самое выдающееся событие в Вашей жизни. *Ожидая его в будущем.*

Влад. Соловьев

**ИЗ ПИСЕМ В РЕДАКЦИЮ
«НОВОГО ВРЕМЕНИ»**

5

№ 5026. 25 февраля 1890 г.

С удивлением узнавши из газет, что доцент здешней Духовной академии, иеромонах Антоний¹, читает публичные лекции на тему «о превосходстве православного христианства перед папистическим учением Владимира Соловьева» (или, по другой редакции, «о превосходстве учения православной Церкви перед папистическими увлечениями Владимира Соловьева»), считаю необходимым заявить следующее.

1. Я никогда не менял вероисповедания, и едва ли о. Антоний имеет право отлучать меня от Церкви.

2. Я всегда готов оправдать свои убеждения и показать в публичном споре, почему я уверен в полном своем согласии с православным учением, основанном на слове Божиим, на определении семи Вселенских Соборов и на свидетельстве святых отцов и учителей Церкви.

3. Я отклоняю от себя всякую ответственность за мысли и взгляды, которые приписываются мне на основании произвольных выводов и ссылок на отдельные места из сочинений, не находящихся в обращении среди русской публики, и по предметам, не подлежащим гласному обсуждению.

Владимир Соловьев

ИЗ ПИСЬМА В. В. РОЗАНОВУ

[28 ноября 1892 г.]

<...> Из замечаний Ваших по поводу вероисповедного вопроса я вижу, что моя действительная точка зрения по этому предмету осталась Вам неизвестною. Изложить ее в письме не нахожу возможным. Если когда-нибудь Бог приведет встретиться, то в разговоре это можно будет сделать и легче, и скорее. А пока — намекну в словах на сущность дела. Ввиду господствующей у нас, частью фальшивой, а частью благоглупой и, во всяком случае, нехристианской, папофобии, я считал и считаю нужным указывать на положительное значение самим Христом положенного камня Церкви, но я никогда не принимал его за саму Церковь, — фундамент не принимал за целое здание. Я также далек от ограниченности византийской, или аугсбургской, или женеvской. Исповедуемая мною религия Св. Духа шире и вместе с тем содержательнее всех отдельных религий: она не есть ни сумма, ни экстракт из них, как целый человек не есть ни сумма, ни экстракт своих отдельных органов. <...>

ИЗ ПИСЬМА М. М. СТАСЮЛЕВИЧУ

Дорогой и глубокоуважаемый Михаил Матвеевич, посланная мною Вам вчера статья требует некоторого объяснения. Восходя к причинам отдаленным, я должен сказать, что автор разбираемой книги вместе со своим старшим братом¹ — мои первые друзья детства, отрочества и юности. Особенно средний из этих возрастов крепко связал нас общими опасностями и утехами. Учились мы розно, но летнее время проводили вместе в подмосковном селе Покровском — Глеboве-Стрешневе, где наши родители в продолжение многих лет жили на даче. Цель нашей деятельности за это время состояла в том, чтобы наводить ужас на покровских обитателей, в особенности женского пола. Так, например, когда дачницы купались в протекающей за версту от села речке Химке, мы подбегали к купальням и не своим голосом кричали: «Пожар! Пожар! Покровское горит!» Те выскакивали в чем попало, а мы, спрятавшись в кустах, наслаждались своим торжеством. А то мы изобретали и искусно распространяли слухи о привидениях и затем принимали на себя их роль. Старший Лопатин (не философ), отличавшийся между нами физической силою и ловкостью, а также большой мастер в произведении ди-

ких и потрясающих звуков, сажал меня к себе на плечи верхом, другой брат надевал на нас обоих белую простыню, и затем эта необычайного вида и роста фигура в лунную ночь, когда публика, особенно дамская, гуляла в парке, вдруг появлялась из смежного с парком кладбища и то медленно проходила в отдалении, то устремлялась галопом в самую середину гуляющих, испуская нечеловеческие крики. Для других классов населения было устроено нами пришествие антихриста. В результате мужики не раз таскали нас за шиворот к родителям, покровский священник, не чуждый литературы, дал нам прозвание «братьев-разбойников», которое за нами и осталось, а жившие в Покровском три актрисы, г-жи Собещанская, Воронова и Шуберт, бывшие особым предметом моих преследований, сговорились меня высечь, но, к величайшему моему сожалению, это намерение почему-то не было исполнено. Впрочем, иногда наши занятия принимали научное направление. Так, мы успешно интересовались наблюдениями над историей развития земноводных, для чего в особо устроенный нами бассейн напускали множество головастиков, которые, однако, от неудобства помещения скоро умирали, не достигнув высших стадий развития. К тому же свою зоологическую станцию мы догадались устроить как раз под окнами кабинета моего отца, который объявил, что мы сами составляем предмет для зоологических наблюдений, но что ему этим заниматься некогда. Тогда мы перешли к практическому изучению географии, и моей специальностью было исследовать течение ручьев и речек и глубину прудов и болот, причем активная роль моих товарищей состояла главным образом в обращении к чужой помощи для извлечения меня из опасных положений. <...>

ИЗ ПИСЕМ Э. Л. РАДЛОВУ

[1895 г.]

Сегодня день моего рождения... <...>

Я приветствовал сам себя сегодня следующим правдивым и безыскусственным четверостишием:

В лесу болото,
А также мох.
Родился кто-то,
Потом издох.

<...>

ИЗ ПИСЬМА К В. Л. ВЕЛИЧКО

[20.10. 1895 г.]

<...> Во-первых, для меня ясно, что вопрос о православии и его истине, преимущественно перед протестантством, не имеет прямого отношения к делу. Поясню это притчей.

— В некоем городе было две школы. Одна из них отличалась превосходною программю учебною и воспитательною, — программа эта не оставляла ничего желать в смысле правильности и полноты, так что, судя по одной программе, всякий должен был сказать: какая это, право, чудная школа! Однако при всем этом начальство и учителя этой образцовой школы частью ничего не делали для обучения и воспитания юношества, частью же предавались содомскому греху и растлевали вверенных им питомцев. Вторая школа имела программу, хотя в основе правильную, но весьма неполную и скудную; однако учителя в ней, вообще говоря, добросовестно выполняли свои обязанности и от содомии и других неправильностей воздерживались. Резон ли взять младенца из этой второй школы и поместить в первую ради великолепия ее программы?

Далее: пока Ваша привязанность к греко-российской синагоге есть только внешний факт, происшедший не по Вашей воле, Вы ни за что не отвечаете; но когда Вы по собственной воле, сознательно, намеренно и без всякого принуждения присоединяете к названному учреждению малолетнее и потому безответственное существо, то Вы торжественно заявляете свою солидарность с этим учреждением и все его грехи переходят на Вас: тогда уже Вы лично виноваты и в сожжении протопопа Аввакума, и в избииении кротских крестьян, и в запрещении молитвенных собраний штундистам и в тысячах других фактов того же вкуса.

Наконец, Ваше личное положение изменилось бы еще с иной стороны.

Теперь, например, я прожил у Вас несколько недель Велико-го поста, и мы с Вами правил поста не соблюдали и в церковь не ходили, и ничего в этом дурного не было, так как все это не для нас писано, и всякий это понимает; но когда Вы торжественно себя заявите *ревнителем* господствующей Церкви, то уже нельзя будет сказать, что ее правила и уставы не для Вас писаны, и тогда одно из двух: или Вам придется радикально изменить свою жизнь (не относительно только поста и хождения в церковь, но и в других, более существенных отношениях), или Вы очутитесь в таком фальшивом положении, какого я не только своему другу, но и врагу не пожелал бы. <...>

ИЗ ПИСЕМ К ЕВГЕНИЮ ТАВЕРНЬЕ

13

[1896 г.]

<...> Что касается Вашей просьбы сообщить Вам данные для статьи, касающейся моей скромной особы, я должен по причинам, о которых Вы, может быть, догадаетесь, ограничиться кратким изложением моих религиозных взглядов. <...>

...Есть только три истины, засвидетельствованные Словом Божиим.

1. Евангелие будет проповедовано на всей земле, т. е. Истина будет предложена всему человеческому роду или всем народам.

2. Сын человеческий найдет мало веры на земле, т. е. истинно верующие составят под конец только незначительное по численности меньшинство, большая же часть человечества последует за антихристом.

3. Тем не менее после краткой и ожесточенной борьбы поборники зла будут побеждены и меньшинство истинно верующих одержит окончательную победу.

Из этих трех истин, столь же простых, как и неоспоримых для каждого верующего, я вывожу весь план христианской политики.

И прежде всего проповедование Евангелия по всей земле по причине того эсхатологического значения его, которое вызвало особое упоминание о нем самого Спасителя, не может быть ограничено таким внешним действием, как распространение Библии или молитвенников и проповедей среди негров и папуасов. Это только средства для настоящей цели, которая состоит в том, чтобы поставить человечество перед дилеммой: принять или отвергнуть истину, познав ее, т. е. истину, правильно изложенную и хорошо понятную. Потому что очевидно, что факт истины, принятой или отвергнутой по недоразумению, не может решить судьбу разумного существа. Дело идет, следовательно, о том, чтобы устранить не только материальное неведение прошлого откровения, но также формальное неведение вечных истин, т. е. устранить все духовные заблуждения, которые в настоящее время мешают людям правильно понимать открытую нам истину. Надо, чтобы вопрос, быть или не быть истинно верующим, не зависел бы от второстепенных обстоятельств и случайных условий, но чтобы он был сведен к такой окончательной и безусловной форме выражения, чтоб он мог быть разрешен чистым и волевым ак-

том или определенным решением каждого самого за себя, абсолютно моральным или абсолютно immoralным.

Теперь Вы согласитесь, без сомнения, что христианское учение в настоящем не достигло желаемого состояния и что оно еще может быть отвергнуто верующими из-за настоящих теоретических недоразумений. Дело, значит, идет:

1. Об общем установлении христианской философии, без чего проповедование Евангелия не может быть осуществлено.

2. Если несомненно, что истина будет окончательно принята только более или менее гонимым меньшинством, надо раз и навсегда отказаться от идеи могущества и внешнего величия теократии как прямой и немедленной цели христианской политики. Цель ее — справедливость, слава же есть следствие, которое придет само собой.

Наконец, уверенность в окончательной победе для меньшинства истинно верующих не должна вести нас к пассивному ожиданию. Эта победа не может быть простым и чистым чудом, абсолютным актом божественного всемогущества Иисуса Христа, ибо в таком случае вся история христианства была бы излишней. Очевидно, что Иисус Христос, чтоб восторжествовать истинно и разумно над антихристом, нуждается в нашем сотрудничестве; и так как истинно верующие и есть и будут только меньшинством, они должны тем более удовлетворять условиям своей качественной и внутренней силы; первое из этих условий — это единство, нравственное и религиозное, которое не может быть установлено произвольно, но должно иметь законную и традиционную основу; это — обязанность, налагаемая благочестием. И так как в христианском мире есть только один центр единства законного и традиционного, — следовательно, все истинно верующие должны объединиться вокруг него, что тем легче сделать, что он не обладает более внешней принудительной властью, так что каждый может примкнуть к нему в той мере, какую указывает ему совесть. Я знаю, что есть священники и монахи, которые думают иначе и требуют подчинения церковной власти без ограничений, как Богу. Это — заблуждение, которое придется назвать ересью, когда оно будет ясно формулировано. Надо быть готовым к тому, что девяносто девять священников и монахов из ста объявят себя за антихриста. Это их полное право и дело... <...>

Я думаю, что прежде всего надо быть проникнутым духом Христа в степени достаточной, чтоб иметь возможность по совести сказать, что такое или такое-то дело или предприятие есть действительное сотрудничество с Иисусом Христом. Это оконча-

тельный критерий. Что касается дела, его изложение (поскольку это касается России) при данных условиях не годится ни для прессы, ни даже для почты. <...>

15

[1898 г.]

<...> Я напечатал первую главу моей метафизики в журнале и надеюсь окончить книгу в 15 месяцев. Кроме того, я очень занят Платоном, которого я задумал перевести целиком. Покончив с метафизикой, Платоном, эстетикой (наполовину dokonченной), книжкой о русской поэзии (окончена на $\frac{3}{4}$) и историей философии (для которой я использую мои статьи в энциклопедии), я сосредоточусь всецело на Библии, которая от Бытия до Апокалипсиса является чудесной рамкой для всего, что может впредь меня интересовать. Я еще не знаю, примет ли мой окончательный труд форму нового перевода с длинными комментариями или это будет система исторической философии, основанной на фактах и духе Библии.

Вот что я рассчитываю сделать с Божией помощью в будущем; с Вами, мой превосходный друг, моя откровенность безгранична, и я скажу Вам, что убежден, что выход в свет моего библейского труда должен предшествовать соединению церковью сначала между собой, а потом с синагогой, и пришествию антихриста.

Итак, несмотря на приближающуюся старость (в будущую пятницу мне будет 45 лет) и всякого рода затруднения и немощи, я совершенно спокоен духом, тем более что в случае моего заблуждения оно коснется только моей личной роли, ничего не меняя в моих религиозных чувствах. <...>

ИЗ ПИСЬМА Л. П. НИКИФОРОВУ

<...> Вы не совсем верно меня поняли: я говорил, что уже 12 лет как не получаю никакого жалованья, ибо не состою ни на какой службе, но когда в юности я был доцентом университета, а потом членом ученого комитета, я получал свою тысячу рублей в год и не чувствовал при этом никаких угрызений совести. Это происходило, может быть, от моей безнравственности, а может быть, от моего знакомства с росписью государственных доходов и расходов, из рассмотрения коей явствовало, что не толь-

ко мои 1000 руб., но все те два или три миллиона, которые идут на поддержание учености в России, никакой важности не представляют, а, с другой стороны, совсем без всякой учености даже турки и китайцы обходиться не могут. О французских своих книгах¹ не могу вам ничего сообщить. Их судьба меня мало интересует. Хотя в них нет ничего противного объективной истине, но то субъективное настроение, те чувства и чаяния, с которыми я их писал, мною уже пережиты. <...>

<ИЗ ПРЕДИСЛОВИЯ К ТРЕТЬЕМУ ИЗДАНИЮ СТИХОТВОРЕНИЙ>

<...> Более серьезных оговорок требуют два других произведения: «Das Ewig-Weibliche» (слово *увещательное к морским чертям*) и «Три свидания». Они могут подать повод к обвинению меня в пагубном лжеучении. Не вносится ли здесь женское начало в самое Божество? Не входя в разбор этого теософского вопроса по существу, я должен, чтобы не вводить читателя в соблазн, а себя оградить от напрасных нареканий, заявить следующее: 1) перенесение плотских, животное-человеческих отношений в область сверхчеловеческую есть величайшая *мерзость* и причина крайней гибели (потоп, Содом и Гоморра, «глубины сатанинские» последних времен); 2) поклонение женской природе самой по себе, т. е. началу двусмыслия и безразличия, восприимчивому ко лжи и злу не менее, чем к истине и добру, — есть величайшее *безумие* и главная причина господствующего ныне размягчения и расслабления; 3) ничего общего с этой глупостью и тою мерзостью не имеет истинное почитание вечной женственности как действительно от века восприявшей силу Божества, действительно вместившей полноту добра и истины, а через них — нетленное сияние красоты. Но чем совершеннее и ближе откровение настоящей красоты, одевающей Божество и Его силою ведущей нас к избавлению от страдания и смерти, тем тоньше черта, отделяющая ее от лживого ее подобия, — от той обманчивой и бессильной красоты, которая только увековечивает царство страданий и смерти. Жена, облеченная в солнце, уже мучается родами: она должна явить истину, родить слово, и вот древний змий собирает против нее свои последние силы и хочет потопить ее в ядовитых потоках благовидной лжи, правдоподобных обманов. Все это предсказано, и предсказан конец: в конце Вечная красота будет плодотворна и из нее выйдет спасение мира, когда ее обманчи-

вые подобия исчезнут, как та морская пена, что родила простонародную Афродиту. *Этой* мои стихи не служат ни единым словом, и вот единственное неотъемлемое достоинство, которое я могу и должен за ними признать <...>

